

Свадьба Фу Дайцина прошла, как и планировалось, без малейшей загвоздки.

Сюй Танчэнь не знал точно, когда она состоится, но, вернувшись в одну из ночей в общежитие, он услышал разговор Чэн Сюя с его семьёй по телефону.

— Я, правда, не могу вернуться. Мы отправляемся послезавтра.

Его рука замерла на сенсорной панели ноутбука. Немного погодя, она сдвинулась, чтобы включить видео на беззвучном режиме. Сюй Танчэнь взглянул на неё. К сожалению, это была открытая лекция, как и раньше. Уже пятая за последние два месяца.

Его взгляд переметнулся к книжному шкафу. Там были аккуратно составлены два ряда книг, половина из которых появилась только в эти самые два месяца. С другой стороны шкафа стоял горшочек с суккулентом. Он не был красивым и выглядел немного жалко. Чэн Сюй купил его не так давно на птичьем рынке.

Кажется, эти два месяца он был очень занят.

К тому моменту, как звонок завершился, началось третье видео. В самом конце Чэн Сюй тихо хихикнул и сказал:

— Тогда вам стоит принести ещё один красный конверт и сказать, что он от меня.

Он сказал это шепотом.

Комната наполнилась звуками очень быстрого американского английского. Телефонный звонок закончился.

На полу общежитской комнаты лежал большой чемодан, четверть которого пустовала. Взгляд Сюй Танчэня опустился на него. Мысли о том, что Чэн Сюй и правда уезжает, становились всё реальнее с каждой секундой.

Всё это время И Чжэ постоянно был в кампусе и занимался написанием своей дипломной работы. Сюй Танчэнь в мае должен был отправиться в Японию для обмена знаниями, и ему надо было предварительно подготовиться к поездке с товарищами по команде. Так что он тоже большую часть времени оставался в кампусе. К тому же он волновался об эмоциональном состоянии Чэн Сюя, поэтому намеренно проводил больше времени в общежитии. На протяжении всего дня он проводил с Чэн Сюем как можно больше времени, но хоть какие-то новости о Чэн Сюе всё равно узнал от И Чжэ.

— Кросс-медийные коммуникации? — Сюй Танчэнь не совсем верил своим ушам.

— Да, — уверенно кивнул И Чжэ. — Так сказал мой однокурсник. Он работает в той же лаборатории, что и Чэн Сюй.

В Университете А студенты, автоматически зачисленные в аспирантуру, могли выбрать часть предметов для аспирантов во второй половине четвёртого курса. Они также могли присоединиться к лаборатории и начать исследования раньше.

— Он сказал, что учитель Дэн долго ждал, что Чэн Сюй присоединится к нему, чтобы изучать эту тему, но Чэн Сюй, кажется, боится, что для этих экспериментов ему придётся путешествовать на корабле, так что он отказался, — сидя в шумной столовой, И Чжэ открутил крышку бутылки с водой и поставил её перед Сюй Танчэнем. Затем добавил:

— Но в этот раз Чэн Сюй сам пришел к учителю Дэну.

Чэн Сюй не был решительным человеком, однако сейчас он принял это решение, ни с кем не посоветовавшись.

Вернувшись в ту ночь, Сюй Танчэнь спросил у Чэн Сюя о причинах его решения. Он спросил, знает ли Чэн Сюй, что это будет долгосрочный проект и что он повлияет на срок его выпуска, если он к нему присоединится. К тому же, изучение подобного рода подводных коммуникаций определённо требовало отправки на море.

Чэн Сюй кивнул и ответил, что знает.

— Ты... — Сюй Танчэнь вдруг понял: он не знает, что сказать. После того, как он услышал эту новость, первой реакцией было удивление. Затем, кроме боли в сердце, его одолела слабая злость. Он понимал, что Чэн Сюй хочет сбежать, но чувствовал, что, как бы сильно ни было разбито его сердце, ему не следовало менять планы на жизнь из-за проблем с отношениями, обменивая своё будущее на временное спокойствие.

— Я знаю, что это спонтанное решение, но... — Чэн Сюй налил себе стакан воды, но она оказалась настолько горячей, что он не мог выпить её. Не подумав, он взял стакан в руку, после чего отодвинул его подальше, сжав ладонь в кулак, — у меня нет другого выбора.

Он сказал это, опустил голову и замолчал. Сюй Танчэнь стоял, опершись на тумбу. Он чувствовал, что оно того не стоит. Но тихая настойчивость Чэн Сюя, видимо, говорила ему, что это решение разумно, и между остаточными чувствами после отношений и одним-двумя годами драгоценного времени можно поставить знак «равно».

В тот день, когда Чэн Сюй уезжал, Сюй Танчэнь проводил его до аэропорта. Он ждал неподалеку, пока парень проверит свой багаж и увидел, что, когда Чэн Сюй наклонился, чтобы поднять чемодан, ручка рюкзака на одном его плече внезапно соскользнула. Может, он слишком волновался, а может, чемодан оказался слишком тяжелым: тело Чэн Сюя качнулось вперед. Он оперся на стойку, едва держась на ногах, накинул обратно упавшую лямку другой рукой.

Из опасений, что дороги будут перегружены, они вышли пораньше, поэтому условия движения, которые можно было считать хорошими, дали им много свободного времени. Сюй Танчэнь хотел немного посидеть с Чэн Сюем, но тот настоял на том, что нужно ехать. Сюй Танчэнь знал, что Чэн Сюй не хотел тратить много его времени, так что не спорил. Он проверил время и напомнил ему вовремя выпить лекарство от укачивания.

— М-м, — Чэн Сюй поправил очки и немного размял плечи, заставив свой рюкзак слегка подпрыгнуть.

— Что касается кораблей, тебе стоит для начала попробовать. Если ты не выдержишь, не стесняйся обращаться к своему учителю. Если тебя всё время будет тошнить, ты не сможешь работать.

— Да, я знаю, — Чэн Сюй улыбнулся, отступил на пару шагов назад и помахал рукой. — Тебе стоит возвращаться.

Людей в столичном аэропорте было не счесть. Почему-то людей, которые отправлялись куда-либо по воздуху, всегда много. Чэн Сюй присоединился к извилистой очереди. В какой-то момент он оглянулся и посмотрел в направлении места, где стоял Сюй Танчэнь.

Заметив, что Сюй Танчэнь ещё не ушел, он помахал ему снова.

Он ненадолго застыл, прежде чем обернуться, но эта ситуация, выглядевшая так знакомо, заставила Сюй Танчэня впасть в ступор. Когда он был младше, отправляя Сюй Танси в школу, он видел такую же картину. Попрощавшись, Сюй Танси тоже оборачивалась, чтобы посмотреть на него, но не осмеливалась смотреть слишком долго — она смотрела не больше двух секунд. Неважно, насколько ей это было невыносимо, спустя две секунды она поправляла свой школьный рюкзак и исчезала за школьными воротами.

Чэн Сюй зачастую напоминал Сюй Танчэню Сюй Танси, потому что у них была общая черта. Однако Сюй Танси по своей природе была озорницей. Только из-за того, что у неё было слабое здоровье, у неё часто не оставалось иного выбора, кроме как быть послушной. Но Чэн Сюй, видимо, от рождения не отличался особой вспыльчивостью и в целом не знал, что такое эгоизм.

Сюй Танчэнь серьезно задумался. Они знали друг друга много лет, но он ни разу не видел, как Чэн Сюй злится. Даже если тот был чем-то недоволен, он лишь дулся некоторое время, никому этого не показывая.

— Он ушёл? — внезапно из-за спины Сюй Танчэня послышался голос, напугавший его. Парень обернулся и увидел Чжэн Икуня. Его волосы были растрепаны, одежда помята, и всё его тело окутывал стойкий запах алкоголя — полная картина похмелья. На руке у него висел прозрачный пакет из магазина. Сюй Танчэнь окинул его взглядом и увидел пачку леденцов «Wrigley's», коробочку с таблетками и небольшую бутылку минеральной воды.

Сюй Танчэнь не ответил. Он только слегка двинул подбородком вперёд, что послужило ответом.

Чэн Сюй уже свернул за угол и оказался в третьем ряду очереди. Его невысокая фигура спряталась за другими, и только слегка опущенная голова была заметна между проходящими мимо людьми. Очередь медленно продвинулась, когда Чэн Сюй неожиданно поднял ногу и потёр икру.

«Кажется, в него только что врезался чемодан», — когда Сюй Танчэнь подумал об этом, Чжэн Икунь, стоявший рядом с ним, широкими шагами направился вперёд.

Человек в очереди услышал, как его кто-то позвал, резко обернулся в направлении голоса. Чжэн Икунь поманил его. Оправившись от удивления, Чэн Сюй начал протискиваться сквозь толпу людей. Он сгорбился в попытке максимально уменьшиться. Его губы двигались, не переставая — должно быть, он постоянно повторял «простите» и «извините» людям в очереди.

Сюй Танчэнь не пошёл вперёд. Он встал за колонной, прислонившись к ней, и принялся ждать.

Спустя примерно десять минут Чжэн Икунь вернулся. Он уже не держал пакет, но в его руке находилась бутылка с водой, теперь уже полупустая.

— Чэнь-гэ, я поеду с тобой назад? — этот взгляд в глазах Чжэн Икуня был уже знаком Сюй Танчэню. Чжэн Икунь запустил руку в волосы и сказал: — Прошлой ночью я слишком много выпил. Меня сюда подбросил друг.

Они вдвоём направились к парковке. Весь путь туда Чжэн Икунь потирал виски. Когда они сели в машину, он, нахмурившись, спросил:

— Гэ, сигаретки не найдётся?

Сюй Танчэнь достал пачку сигарет и протянул ему. Затем Чжэн Икунь попросил:

— Зажигалку.

Получив необходимые вещи, с трудом, будто пытаясь выдавить остатки зубной пасты из тюбика, Чжэн Икунь опустил стекло и зажёл сигарету.

— Из-за того, чем он занимается, ему теперь придётся всё время торчать на корабле? — задал вопрос Чжэн Икунь, когда сгорело больше половины сигареты.

— Я не уверен, — ответив, Сюй Танчэнь увидел возрастающую досаду на лице Чжэн Икуня.

— Ха... — выдавил он. — Это заставляет моё сердце болеть.

Если бы Сюй Танчэня кто-то спросил, он бы сказал, что из всех людей, которых он когда-либо встречал, Чжэн Икунь больше всех походил на роль негодяя. Но такой негодяй, как он, не был ужасным, он лишь заставлял Сюй Танчэня чувствовать, что не говорит правду и, к тому же, не полностью искренен. Это было будто одностороннее зеркало с разноцветным узором на одной стороне: он мог с одного взгляда догадаться, о чём думают другие, но остальные люди могли даже не пытаться его понять. То же происходило и сейчас — с сигаретой во рту, откинув голову назад, он сказал о боли в сердце с длинным вздохом, но на его лице при этом красовалась неизменная улыбка. Для Сюй Танчэня эта «сердечная боль» прозвучала так, будто была искренней, но, сколько бы ни думал об этом, он ощущал, что эти слова были произнесены беззаботно, будто они вот-вот разлетятся сами по себе безо всякого ветра.

Позиция Сюй Танчэня по отношению к таким людям заключалась в том, чтобы держать уважительную дистанцию, так что он не спрашивал Чжэн Икуня о том, что произошло той ночью в «Пункте назначения», ведь, даже если бы он спросил, честного ответа не получил бы. К тому же он знал, что, если Чжэн Икунь что-то почувствовал, он не стал бы спрашивать Сюй Танчэня. Следовательно, Сюй Танчэнь мог не дать ему зажигалку, раскрыв его холодное отношение. Это были тонкие препятствия между двумя людьми.

Внезапно зазвонил телефон, оборвав мысли Сюй Танчэня. Он поднял трубку и поставил звонок на громкую связь. По ту сторону экрана находился И Чжэ. Его голос заполнил ту пустоту, которую Сюй Танчэнь ощущал с прошлой ночи.

Голос И Чжэ звучал немного сердито. Он сказал, что ему только что позвонил отец, сказав приехать в аэропорт и забрать оттуда дочь его друга, которую он по настоянию отца сопровождал на шопинге в Шанхае несколько лет назад.

Не дождавшись успокаивающего ответа Сюй Танчэня, Чжэн Икунь открыл рот и пренебрежительно усмехнулся:

— Боже, тактика красивого мужчины...